

Русские люди — это очарованные странники. Они очарованы великой родиной и великой мечтой: не только земной, но и небесной. Стремятся за линию горизонта, на край света. Туда, где, по их представлению, — благодать, жизнь без зла, без насилия, райские кущи. И такой землей для русского человека был Север, загадочный, таинственный, влекущий своим полярным сиянием, своей неугасимой Полярной звездой. И они шли на Север — в надежде оказаться там, где среди льдов вдруг откроется цветущий земной рай. И дошли туда, где их ждало чудо.

Александр ПРОХАНОВ

ИВОТ Я НА ЯМАЛЕ — среди неолюдных разливов, среди льдов, среди пронизывающих ветров, на кромке Ледовитого океана. И вот оно, ямальское чудо — завод по сжижению природного газа, СПГ. Грандиозный красавец полярных сияний. Этот завод в разобранном виде везли сюда по Северному морскому пути из Китая. Там его создавали — и по частям, по модулям грузили на колоссальные сухогрузы, и те в сопровождении ледоколов медленно пробирались через полярные широты. Причаливали к подготовленным пирсам, драгоценный груз переносили на гигантские многоколёсные платформы и тихо, осторожно, чтобы не продавить мерзлоту, везли на стройплощадки. Потом эти модули, похожие на пучки огромных стальных лучей, сгружались, ставились на мерзлоту, собирались, свинчивались, состыковывались. — и так возник чудесный завод. А рядом с ним — великолепный, прекрасный, точный, похожий на кристалл вахтный город. По такой же технологии будут собираться на Луне лунные поселения, доставляемые сверхтяжёлой ракетой. Игорь Анатольевич Фомин, хозяин всей этой стройки, принимавший самые первые модули, рассказал, как соиздальлось это чудо. Чудо, казавшееся невероятным для этих ледяных пространств, где зимой температура 50 градусов ниже ноля, а ветры с океана могут свалить с ног человека. В сражении с мерзлотой и с запасом прочности не только на весну, но и на климатические изменения, когда всё вокруг начнёт таять, сдвинется — и тысячетонные конструкции могут уйти в землю, в воду, в тундру. Каждый момент воздвижения завода требовал своего, пусть самого маленького, но открытия. Небольшого, но откровения. Здесь по-особому погружались в мерзлоту особые сваи, по-особому из особого бетона отплавлялись огромные резервуары, куда стекал сжиженный газ, дожидаясь разгрузки. Здесь по-особому осваивают месторождения, по-особому ведут бурение, запуская под землю целый пучок, целый куст расходящихся скважин. И человек своей железной рукой осторожно шарит в подземелье, нащупывая могучие карманы с газом. Этот газ подается на завод, очищается, из него выделяются сопутствующие ему смеси, концентрат, конденсат. Он проходит через гигантскую криогенную установку, через реактор, где превращается в жидкость, и откуда потом насосами подается в колоссальные цистерны и хранится там до прихода танкеров. И эти танкеры уже движутся к Ямалу с востока и запада по Северному морскому пути. Одни уже проходят Берингов пролив у Аляски, другие — только что отчаливают от Испании, куда они перекачали запасы газа и движутся к порту, где океан ещё весь во льдах, где, поджидая караваны газозовов, темнеют в отдалении ледоколы, дизельные и атомные.

Этот завод — национальное богатство. Но не меньшим, а то и большим богатством является коллектив, обеспечивший создание этого газового гиганта. Этих людей искали по всей России, отбирали, проводили тесты на их знания, умения, на их нравственные качества. Двадцатитысячный коллектив работающего и продолжающего строиться предприятия — люди великого трудолюбия, великой удал и даже молодечества. Люди колоссальной дисциплины и артельной коллективистской этики.

Игорь Олегович Часнык, руководящий производством, рассказывал, что создание здесь, среди этих полярных сияний, невыносимой мерзлоты и мороза, такого коллектива — огромный социальный труд, которого нам так не хватает в обычной жизни. На Севере один человек — ничто. Он погибнет, исчезнет. Выжить здесь можно только вместе, в братстве, помогая друг другу, принося самого себя в жертву за други своя.

Вахтный посёлок — чёткий, кристаллический, красивый, где нет ничего лишнего, являющий собой фабрику для жилья. Здесь тепло, есть вода, электричество, комфорт, даже спортивные сооружения. Этот посёлок на 20, а то и на 40 дней принимал упрямых, дееспособных людей, истосковавшихся по настоящему делу, по крепким заработкам, по артельному коллективному труду, который всегда была славна Россия. Наша Арктика сегодня — поражающая своими углеводородными богатствами, открывающая русским людям сквозь льды Северный морской путь, куда спускаются один за другим атомные ледоколы. Эта кромка Ледовитого океана является и рубежом обороны, где ставятся сверхмощные и сверхдальние радиолокационные станции, способные обнаружить противника по ту сторону полюса. Арктика сегодня является фабрикой нового русского человека. Не того "нового русского", который явился после крушения Советского Союза и испугал весь мир своим безумием, расточительством, чванством и никчёмностью. А того нового русского человека, который является вечным русским человеком, исконным русским человеком, открывателем, создателем, героем, тружеником и великим удалцем, ибо он совершает здесь, в полярных широтах, огромное, важное, богатое русское дело. И эти люди, отработав здесь свои вахты, вернутся в Центральную Россию, обветренные арктическими ветрами, готовые к великим делам. Лучшие строители, лучшие управленцы, лучшие политики.

Генеральный директор завода Евгений Анатольевич Кот с упоением творца и большого хозяина рассказывал мне про абсолютно новую отрасль экономики, когда на смену дорогостоящим газопроводам приходят газозовы, везущие сжиженный газ к местам потребления. Как странно даже выпядят утверждения некоторых экономистов и промышленных стратегов, с презрением говорящих о газовой и нефтяной "игле", на которую якобы села Россия. Пусть другие страны попробуют сесть на такую "иглу", создать арктическую углеводородную цивилизацию. Она — результат великих технологий, великой науки, связанных с землёй, с людьми, с металлом, с химией. Это вершина экономики, способной освоить эти месторождения, не потеряв при этом ни капли нефти, ни кубометра газа, обеспечив сохранность и чистоту окружающей среды, способной отыскать мировые рынки, где была бы употреблена эта нефть и этот газ. Выиграть

схватку за эти рынки с другими нефтегазовыми державами. Первая линия завода работает вовсю, на полную мощность. Собирается у меня на глазах вторая могучая линия. Ещё немного — и через неё тоже пойдёт газ к пирсам. Уже монтируется третья линия, под которую делают расчёты финансисты, считая выручку, которую даст эта третья линия. Но это ещё не всё. В программе — и четвёртая линия завода. Причем эту линию не привезут из Китая, с чужих заводов и верфей, — она будет создаваться здесь, в России. Уже разработаны технологии, найдены соответствующие производства, распределяются заказы, нагружая рабочие места и давая дополнительную жизнь всей современной российской индустрии. Здесь наглядно видишь, как выполняются майские указы президента, хотя на Ямале мало говорят о политике.

А ещё — развитие цифровой экономики, создание цифросферы, без которой невозможно было бы управлять этим огромным производством: от глубокой тундры, где стоят буровые, до огромного, днём и ночью функционирующего завода, с его сложнейшими технологическими процессами, до океанского порта с множеством пирсов и обслуживающих их ледоколов. Только вездущая цифра, только компьютерная сеть способны синхронизировать это огромное производство. О каком ветхом жильё можно говорить в Сабетте, если по своему качеству, по наукоёмкости, по комфорту, по эффективности этот город напоминает лунное поселение? Вот — ничего нет. Но вот всё возникло — словно одним ударом, одним чудесным мановением жезла! Порт Сабетта, о котором ещё недавно мало кто знал, сегодня стал одним из самых воспитительных, самых важных мест России.

ГУБЕРНАТОР Ямало-Ненецкого автономного округа 30-летний Дмитрий Андреевич Артюхов, должно быть — самый молодой из глав регионов России. Мы говорим: необходим рывок, рывок в будущее. Вот он, этот рывок. Губернатор — человек-рывок. Когда совсем недавно его предшественник и наставник, Дмитрий Николаевич Кобылкин, человек огромного опыта, потрясающего темперамента и настоящей северной закалки, ушёл в Москву, чтобы занять пост министра природных ресурсов и экологии всей России, здесь его сменил Артюхов. Подвижный, умный, страстный, темпераментный, владеющий английским языком, поработавший в Сингапуре и познавший тайны современного западного управления, правила мировых рынков, он — плоть от плоти этих северных мест. Не чужак, не "карьерный" губернатор. Он — преемник в самом высоком и прекрасном смысле этого слова. Он работал рядом с Кобылкиным, усвоил его философию, воспринял его стратегическую доктрину. И теперь, исполненный сил, на волне арктического ренессанса, продолжает его стратегический проект "Арктики XXI века".

Этот проект грандиозен. Он включает в себя продление железной дороги: той, что ведёт через Северный Урал от Воркуты, от уральских экономических районов на Восток, к Салехарду, к Оби, не достигая порта Сабетты всего на пару сотен километров, — продление этого пути к комплексу "Ямал СПГ", чтобы сюда быстро и надёжно доставлялись грузы из могучего Урала, со всей европейской части России. И вторая железная дорога, которая подходит к Оби с востока, соединяя Лабитнанги с северной Сибирью: Надымом, Новым Уренгоем и дальше, до Игарки на Енисее. И мост через Обь, который должен соединить Лабитнанги и Салехард, одновременно будет железнодорожным мостом, создающим этот "полярный Транссиб", Северный широтный ход, соединённый железными нитями рельсов с портом Сабетта и растворяющийся в необятных просторах Северного морского пути. В этом — будущее Ямала. В этом — его новая стратегическая роль в развитии России. В этом — осуществление старинных, давнишних, задуманных ещё в дореволюционные времена и частично осуществлённых в сталинскую эпоху стратегических замыслов по освоению и развитию Русской Арктики. Этот проект уже осуществляется. Проведены все расчёты, одобрен проект моста через Обь, найдены инвесторы. Реализации этого проекта будет посвящена вся дальнейшая деятельность молодого губернатора. Он продвигает этот проект, стремится убедить Центр в его стратегической необходимости. Я провёл вместе с Дмитрием Артюховым несколько дней: в машинах, вертолётах, на строительной площадке Сабетты, в чумах ненецких стойбищ, среди оленьих стад, среди интеллигенции Салехарда... Мы говорили с ним о мечте, о великой русской мечте и о том, как эта мечта проявляется здесь, на Ямале, о ямальской мечте.

Конечно, это — мечта благоустроить свой дом, свой очаг, свою землю. И нынешнему поколению русских людей, живущих на Ямале, уготована вечная русская миссия осваивать эту планетарную неудобницу, осваивать эти тундры и льды, вводить их в обиход не только русской цивилизации, но и всего человечества. Конечно, это — мечта о добром достатке, о прочном домашнем очаге, о том, чтобы работа приносила не только честный заработок, но и глубокое внутреннее утешение. Ибо русский человек соскучился по настоящей работе, он соскучился по большим проектам. И сегодня Россия реализует два таких грандиозных проекта. Один — южный, крымско-средиземноморский. А второй — здесь, на Ямале и в Арктике, огромный северный проект, проект Полярной звезды. И эта Полярная звезда, её северный мистический свет влекут к себе русского человека, влекут своей тайной, своей красотой, своей мечтой, своей великой надеждой на идеальное, справедливое божественное бытие. Ибо эта надежда и эта мечта помогали русским людям преодолевать самые страшные чёрные ямы русской истории. Помогали на месте погибавшего государства создавать новое — сильное и краше преежного. Помогали выигрывать самые кровешные на земле войны, в том числе — и последнюю, Великую Отечественную. Помогали одолевать уныние, печаль, страшные напасти, которые падали на голову русского человека, которые могли озлобить его, настроить раз и навсегда против своего государства, сделать вечно недовольным и бунтующим "протестантом". Люди Ямала — это великие государственники. Чем бы они ни занимались: строили дорогу, бурили мерзлоту или отправляли караваны по Северному морскому пути, — они понимают, что делают великое, вечное государственное русское дело. Отсюда, с Ямала, эта государственная энергия, это государственное проектирование, несомненно, распространяется и на всю остальную Россию. Губернатор Артюхов увлечён своим новым делом, увлечён своим творчеством. Он хотел бы, чтобы здесь, на Ямале, появился свой летописец, свой художник и писатель, который смог бы написать свою воспитательную летопись о нынешней ямальской действительности, где родились и продолжают рождаться герои нового времени, где в сплотах полярного сияния, в огнях новых промышленных центров и городов бушуют невиданные раньше конфликты, где таятся и уже выходят на свет новые потрясающие сюжеты. Когда появится здесь такой молодой, озорный творчеством писатель, он непременно напишет свой роман о ямальской мечте, о мечте Полярной звезды.

ПРИРОДА ЯМАЛА — грандиозная, необъятная. Когда весной разливается Обь, то кажется, что эта вода, которая идёт от горизонта до горизонта, — настоящий океан, в котором отражается тусклое полярное солнце. Летшишь на вертолёт над тундрой — и внизу нет следов ни одной дороги, ни единого человеческого селения. Колос-

сальная пустыня, уходящая за горизонт. Стоишь на берегу летнего океана — в это время в России цветут луга, благоухает разноцветье, летают бабочки, стрекозы, крестьяне выходят на свои сенокосы. А здесь — льды: синие, коричневые, вплоть до самой кромки горизонта. Порой с вертолёта видны странные круглые озера, словно прочерченные циркулем. Это заполненные водой кратеры, которые образуются от выбросов подземных газов. И вспоминаешь строки Шекспира: "Земля, как и вода, рождает газы. И это были пузыри земли". Газ, десятилетиями скапливаясь в глубинах вечной мерзлоты, находит выход наверх и вырывается на поверхность, разбрасывая вокруг тундровую землю. Такие выбросы очень опасны для обитателей тундры. Их источники могут быть настолько сильны, что если такой прорыв произойдёт по соседству с оленьим стадом, то погибнут и люди, и олени. Это — часть мощной планетарной энергии, показывающей, что сфера жизни на самом деле является очень хрупкой, уязвимой и тонкой. Единичный взездход, проехавший по тундре, оставляет рану, которая не зарастает в течение десятилетий. Так и происходит по тундре этот мучительный чёрный рубец. Нашествие людей, пришедших охотников и рыболовов на горную речку, где нерестится сит, выбивает всю эту рыбу, уничтожает её нерестилища. И рыбы, которой прежде кишели северные реки и Обь, становится всё меньше и меньше, иные виды почти исчезли.

В Арктике, одна страшнее другой, громятдыся свалки от побывавших здесь когда-то геологических экспедиций или пограничных застав: горы ржавого металла, бочки от топлива, обрывки кабелей... Вся эта колоссальная, скопившаяся чуть ли не за века, помойка превращает драгоценные хрупкие заповедные места в Арктике в места погубленные,

даже более изысканный и совершенный, чем само главное производство. Здесь выращивают мальков ценных сиговых пород и выпускают их в реки. Цивилизация, наносящая огромный вред природе, если она стоит на службе экологического сознания, экологической этики, — способна и вернуть природе утраченные силы. Но рядом с этими арктическими стройками, дорогами, мостами, тысчелетиями живут исконные северные народы: ненцы, ханты, селькупы. Они находятся под особой опекой, под особым, тонким и чутким, покровительством местной власти. Заместитель губернатора Александр Викторович Мажаров сопровождал мне в моих путешествиях по тундре. Его глазами видел я жизнь ненцев, этого удивительного народа, насчитывающего несколько десятков тысяч человек, — кочующего по тундре и умеющего вписаться в долгие полярные ночи и белые летние негасимые солнечные дни. В лютые страшные морозы, от которых лопается сталь, конструкции, и жаркое горячее солнце лета. Их поверья, их быт, их привычки завораживают, открывают бездонную глубину и гармонию, в которой живёт с природой здешний человек, и благодаря этой гармонии выживает. Чум — не просто "машина для жилья", как понимает функцию своего обиталища сегодняшний цивилизованный человек. Чум — это место, где рождается ребёнок, где заключаются браки, где присутствует божество, которое покровительствует семье и роду. В чуме священно всё: и жерди, из которых он сложен, и оленьи шкуры для зимы, и берёста для лета, и очаг, лежки и занавески, и православная икона в углу, и дивной красоты языческий орнамент на рукодельной одежде. Олень здесь — священное животное. Он греет, кормит, переносит местного человека на огромные расстояния. Стойбище — это мобильное поселение, которое уходит от морозов

езжают на Ямал, становятся учителями, врачами, главами округов, посёлков, работают в областной администрации и в бизнес-структурах. Но ядро народа не хочет сливаться с цивилизацией, как не хочет подчиняться стальным железнодорожным путям или вертолётным площадкам сама мать-природа. Ненцы, как многие другие наши народы, — это колоссальное достояние сегодняшней державной России. Каждый из них, пусть самый маленький, держит над собой свод местного космоса, не даёт ему упасть и разрушиться. Он вносит в наше рациональное сознание полузабытые или совсем забытые представления о природе, о духах неба, воды и ветра, представление о жизни, которая присутствует везде: в человеке, в олене, в камне. И это сознание коренным образом отличается от современного экологического сознания. Это — нечто большее, это сознание мы вправе назвать благоговением перед жизнью. И чем дальше мы будем углубляться в цифровую реальность, в цифросферу, тем драгоценнее будет для нас это сознание: как драгоценен плод, который не знает, что такое семя, как драгоценен звук, который рождён из шума ветра или плеска воды. Россия, имперская, державная, состоящая из множества народов, культур и верований, — тем и восхитительна, что включает в себя множество красок, множество направлений, множество самых разных духовных форм, делающих её такой неповторимой и бесконечной. И на Ямале, как нигде, чувствуешь эту красоту, эту бесконечность. Ибо русская мечта — это и ненецкая мечта, и мечта ханта, и мечта селькупы, это мечта благополучия о благе своего народа и рода людского, о божественной справедливости, соединяющей человека и оленя, атомный ледокол и хрупкую рыбу в горной реке. Это мечта о божественной гармонии, о божественной симфонии.

На окраинах Салехарда, на краю реки, стоит деревянная крепость, острог, огороженный частоколом, а внутри него — храм, собранный из сосновых венцов, с горницами, с кузницей, — своеобразное поселение, созданное любовью и фантазией местных краеведов в память о первоотроходцах, о тех казаках, которые когда-то, в поисках легендарного Беловодья, пришли сюда, в неведомые земли, и поставили здесь православный крест. И сегодняшние ямальские

Губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа Дмитрий АРТЮХОВ и Александр ПРОХАНОВ в ненецком стойбище

Ненецкий чум — не «машина для жилья», а священное пространство бытия

неживые и отвратительные. И потому сегодняшнее освоение наших полярных пространств ведётся не теми подрывными и кровешными способами, которые бытовали здесь ещё несколько десятилетий назад. В Арктике прибираются, Арктику чистят. Металлический мусор с береговой кромки свозится в одно место и оттуда баржами отправляется в Мурманск на переплавку. Сегодня арктическим поселением, в том числе — и в Сабетте, строго-настрою запрещено устраивать какие-либо свалки или помойки. Все отходы грузятся и вывозятся в места их складирования далеко от тундры. Все работающие здесь компании: нефтяные, газовые, железнородные, — обязаны отчислять и отчислять специальные деньги в региональный бюджет для восстановления природы. Экология на Ямале — не пустое слово. Завод СПГ Сабетты как своё продолжение, на деньги компании "Новатэк", построил рыбопроизводящий завод,

и бескомпромиссно, перемещается с одного пастбища на другое. У селькупы, ненца или ханта — космическое мышление, ибо они движутся вслед за солнцем. А солнце здесь или поднимается в зенит, уже не заходя за горизонт в течение летних месяцев, или уходит куда-то далеко во тьму кровешную, долго-долго не появляясь над землёй. И жизнь тогда идёт среди сплотов северных сияний и мерцающей звёзд. Но в чумах стоят телевизионные антенны, слышен несмолкаемый стук дизельного генератора, электричество которого даёт людям тепло и свет. В каждом стойбище есть рация, по которой можно в любой момент вызвать вертолёт с врачом, отправить в больницу пострадавшего, а в родильный дом — рожищу. Ненцы не являются исчезающим, умирающим народом. Напротив, они увеличивают свою численность. И среди них — множество интеллигенции. Ненцы оканчивают университет в Петербурге и при-

казаки — всё те же мудрые, энергичные, мирные русские люди, которые отслужили в армии, на пограничных заставах, на великих заводах и стройках, а теперь здесь, на Ямале, собрались в своё казачье братство, поблискают серебряными и золотыми погонами, поют свои заливчастские казачьи песни, обучают молодёжь, одевая своих сыновей в камуфляж, раздавая им шапки. Тут, среди этих золотистых срубов, хорошо поговорить за чашкой наливки о русском удалестве, о русском очарованном страннике, который очарован своей великой и загадочной родиной. Очарован русскими небесами, очарован долговечной русской мечтой. "Любо, братцы, любо..." — поётся в казачьей песне. "Любо — Ямал!" — вторит этой песне душа.

Фото Екатерины ГЛУШИК